

*Л. А. Шестакова***ЗАКЛЮЧЕНИЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ КАК НОВОЕ ОСНОВАНИЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

© Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы». Автор 50 научных работ и учебно-методических публикаций, в том числе соавтор учебника «Уголовный процесс» (2015), автор монографии: «Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, восстановительное правосудие, производство по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, медиация, примирение сторон.

АННОТАЦИЯ

Используя исторический метод, автор статьи приходит к выводу о существовании двух конкурирующих моделей уголовно-процессуальной политики: модели «надлежащей правовой процедуры» и модели «контроля над преступностью». Во второй половине XX века широкую поддержку получило одно из направлений в рамках модели «надлежащей правовой процедуры» – восстановительное правосудие, в котором выявлен значительный социально-правовой потенциал. В статье отмечается, что восстановительный подход в правосудии стал закономерным проявлением современных тенденций развития уголовного процесса – гуманизации, переосмысления значимости частного интереса в публичных отраслях права, ускорения и упрощения уголовного судопроизводства. Последовательное закрепление основных идей восстановительного правосудия автор статьи находит в международных актах, ратифицированных большинством государств. Сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей ювенального правосудия позволил автору заключить, что внедрение восстановительных технологий в уголовное судопроизводство многих зарубежных стран началось с изменений в сфере ювенальной юстиции. Медиация как основной инструмент восстановительного правосудия впервые появилась в законах, регулирующих применение наказания и принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступление. Считая, что внедрение медиации в уголовный процесс России целесообразно начать с изменений в сфере ювенального правосудия, автор статьи формулирует предложения по восстановлению института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних путем отказа в возбуждении уголовного дела, а также применения медиации при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, международные стандарты правосудия, досудебное производство, примирение сторон, экономия уголовной репрессии, медиация, компромисс, ювенальная юстиция, несовершеннолетний.

Цитирование. Шестакова Л. А. Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 122–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-122-126>.

CONCILIATING AGREEMENT AS A NEW BASIS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY AND CLOSURE OF CRIMINAL CASES OF MINORS

© Shestakova Lyubov Alexandrovna (lyuboshestakova@yandex.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Implementation of the concept of juvenile justice in the criminal process in the Russian Federation: the genesis, modernity and prospects». Author of 50 scientific and methodological works, including textbooks written in collaboration: «Criminal procedure» (2015), monograph: «Implementation of the concept of juvenile justice in the criminal process in the Russian Federation» (2016).

Research interests: criminal procedure, restorative justice, juvenile justice, juveniles, mediation, conciliation.

ABSTRACT

The author of the article came to the conclusion that there are two competing models of criminal procedure policy: the model of «due process» and the model of «crime control». Restorative justice was supported in the second half of the 20th century. The restorative approach to justice was a natural result of the trends in the criminal process – humanization, private and public interest, acceleration and simplification of criminal proceedings. The author sees the consistent consolidation of the basic ideas of restorative justice in international acts. The introduction of restorative technologies in the criminal proceedings of many foreign countries began with changes in juvenile justice. The author of the article formulates proposals for restoring the institution of exemption from criminal liability of minors and for applying mediation in terminating a criminal case in connection with the reconciliation of the parties (Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation).

Key words: criminal proceedings, international standards of justice, pre-trial proceedings, reconciliation of the parties, saving criminal repression, mediation, compromise, juvenile justice, juvenile.

Citation. Shestakova L. A. *Zaklyuchenie mediativnogo soglasheniya kak novoe osnovanie osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti i prekrashcheniya ugovnykh del (presledovaniya) v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Conciliating agreement as a new basis for exemption from criminal responsibility and closure of criminal cases of minors]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 122–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-122-126> [in Russian].

Основные модели современной уголовно-процессуальной политики: модель всемерной защиты прав человека («надлежащей правовой процедуры или правосудия») и модель борьбы с преступностью – находятся в естественной конкуренции между собой [1, с. 55]. Тем не менее обозначенные модели постоянно взаимодействуют, заставляя каждую конкретную уголовно-процессуальную систему находиться в вечном поиске необходимого для общества баланса процессуальных интересов.

Во второй половине XX века широкую поддержку получило одно из направлений в рамках модели «надлежащей правовой процедуры» – восстановительное правосудие, в котором выявлен значительный социально-правовой потенциал [2, с. 137]. Восстановительный подход в правосудии стал закономерным проявлением современных тенденций развития уголовного процесса – гуманизации, переосмысления значимости частного интереса в публичных отраслях права, ускорения и упрощения уголовного судопроизводства. Применение восстановительных технологий

в уголовном судопроизводстве способствует скорейшему возмещению вреда от преступления и восстановлению мирных отношений между сторонами правового конфликта [3], поскольку жертва преступления имеет комплексный интерес: не только возместить ущерб от преступления, но и разрешить межличностный конфликт с преступником [4, с. 48].

Последовательное закрепление основных постулатов восстановительного правосудия, новой парадигмы правосудия, находим в международных актах, ратифицированных большинством государств. В международном сообществе наблюдается устремленность к упрощению уголовно-процессуальных процедур за счет сокращения сроков производства по уголовным делам и исключения из процедур обычного судебного разбирательства максимального количества дел. Международные документы рекомендуют ограничиваться более простыми и менее формализованными процедурами проверки сообщения о преступлении и лице, его совершившем [5, с. 110]. Статья 7 Декларации основных принципов правосудия для жертв пре-

ступлений и злоупотреблений властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г.¹ рекомендует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров – посредничество, арбитраж, суды обычного права или местную практику. Такие документы рекомендуют правительствам государств-членов пересмотреть их законодательства и практику относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса и «изучить возможные достоинства систем посредничества и примирения» (Рекомендация R (85) 11 Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»), «давать возможность жертве воспользоваться преимуществами медиации, восстановительного правосудия» (Рекомендация (2003) 20 Комитета министров Совета Европы от 24 сентября 2003 г. «Касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних») [6].

Практика восстановительного правосудия в зарубежных странах (Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Англия, Австрия, Польша, Болгария, СНГ), складывающаяся из процедур штрафа по соглашению, отказа от уголовного преследования под условием транзакции, полицейского предупреждения и медиации [7] – позитивно оценивается зарубежными исследователями и практическими работниками.

Медиация, основной инструмент восстановительного правосудия, представляет собой процесс совместного решения правовой проблемы сторонами с помощью третьего, незаинтересованного участника – развивается во многих уголовно-процессуальных системах, став, по сути, явлением универсальным [8].

А. А. Арутюнян, анализируя зарубежные нормативные и теоретические источники, пришла к выводу о том, что внедрение восстановительных технологий в уголовное судопроизводство многих зарубежных стран началось с изменений в сфере ювенальной юстиции [9, с. 156]. Зачастую медиация для разрешения уголовно-правовых конфликтов впервые появлялась в законах, регулирующих применение наказания и принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступление. Затем практика применения медиации распространилась на преступления взрослых, где также позволила снизить процент рецидивной преступности, увеличить суммы возмещения вреда от преступлений для потерпевших. Такой подход представляется правильным. Зарубежные исследования преступности несовершеннолетних свидетельствуют о том, что большинство несовершеннолетних правонарушителей начинают противоправную деятельность сравнительно рано (в среднем в возрасте 13 лет), в то же время относительно быстро прекращают совершать правонарушения еще в несовершеннолетнем возрасте в результате социализации, в том числе без применения формальных мер.

Даже криминальная активность несовершеннолетних, совершающих 5 и более преступлений в год, значительно сокращается к 16-18-му году жизни. Это явление в криминологии названо «спонтанно наступившим законопослушным поведением лица». По мнению сторонников данной гипотезы, применение социально-педагогических и терапевтических мер к группе «устойчивых» несовершеннолетних преступников будет по-прежнему целесообразно и в более позднем, чем раннее юношество, возрасте. Устойчивое преступное поведение у несовершеннолетних наблюдается лишь у небольшой группы лиц, поэтому примирение с потерпевшим может широко применяться в качестве альтернативной наказания меры и в случаях повторного совершения преступлений [10, с. 121].

Последние законодательные инициативы в области уголовного судопроизводства России также свидетельствуют о поиске новых процедур: осуществляется выбор между традиционными процессуальными институтами и восстановительными, отвечающими требованиям международных актов. Как представляется, такие изменения своевременны и обоснованны. Значительное число преступлений небольшой и средней тяжести, которые составляют основную нагрузку мировых судей и районных судов, большое число дел в отношении несовершеннолетних свидетельствуют о необходимости расширения дискреционных полномочий и внедрения в уголовное судопроизводство механизмов, обеспечивающих дифференцированный подход к делам различных категорий [9, с. 42]. Кроме дел, прекращаемых по примирению сторон, в уголовном процессе есть значительный круг дел, по которым обвиняемый и потерпевший вступают в переговоры с целью достижения определенного компромисса и смягчения наказания (по п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Зачастую обвиняемый предлагает возместить причиненный ущерб при условии, что потерпевший не заявит гражданский иск и займет в судебном заседании благоприятную для подсудимого позицию, например, будет просить суд о максимальном снижении наказания. Процесс переговоров обвиняемого и потерпевшего не урегулирован УПК РФ и может стать областью применения медиации [11]. Возмещение вреда, причиненного преступлением, также является одной из центральных проблем правоприменительной практики уголовного судопроизводства России. Представляется, что действующее законодательство не предусматривает механизмов, которые могут обеспечить быстрое и эффективное возмещение вреда от преступления. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о достаточно низком уровне восстановления прав потерпевшего, нарушенных совершенным преступлением [12].

С Указа Президента от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»² можно вести отчет реформы в сфере ювенального правосудия, направленной на построение системы примирительных процедур. В проекте Федерального закона «О внесении из-

менений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации»³ была предложена модель внедрения медиации в уголовный процесс РФ. Однако согласимся с позицией тех авторов, которые считают, что нормативная модель медиации, изложенная в законопроекте, отличается от всех известных мировых моделей примирительных процедур, а также не учитывает наработки отечественных процессуалистов по этому вопросу [13, с. 22–23]. В законопроекте речь идет не об отдельной процедуре медиации, где происходит общение между сторонами при участии посредника в целях примирения, а об участии примирителя, выступающего в качестве специалиста в отдельных процессуальных и следственных действиях. В законопроекте цели и задачи такого участия примирителя не разъясняются, более того примиритель наделяется функционалом другого субъекта уголовного процесса – специалиста (примиритель наделяется правом делать заявления, представлять доказательства, знакомиться с материалами уголовного дела и др.) Кроме того, по мнению разработчиков законопроекта процедура примирения не приостанавливает производство по делу.

Нам представляется, что восстановление института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних в форме отказа от возбуждения уголовного дела является более перспективным направлением уголовно-процессуальной политики. Добровольность принятия на себя обязательств по ресоциализации через процедуру медиации позволит несовершеннолетнему избежать не только назначения наказания [10, с. 120], но и других правовых последствий, связанных с инициированием уголовного преследования и имеющих выраженный «карательный», «клемящий» характер. Если в ходе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) выявляются обстоятельства, свидетельствующие о совершении несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести впервые, необходимо предоставить сторонам право прибегнуть к процедуре медиации путем заявления соответствующего ходатайства. Заявление ходатайства о проведении процедуры медиации должно послужить основанием для продления до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении. Как представляется, авторские предложения позволят исключить из системы уголовного правосудия дела (небольшой и средней тяжести), расследование которых не вызвано публичным интересом.

Применение медиации в качестве дополнения к процедуре, предусмотренной ст. 25 УПК РФ, придаст процессуальную форму переговорам обвиняемого и потерпевшего, которые широко распространены в российской практике, в целях смяг-

чения наказания и возмещения вреда. На время проведения процедуры медиации производство расследования по уголовному делу должно приостанавливаться, и, в зависимости от результатов проведенной медиации, расследование может быть продолжено или прекращено.

Как представляется, сам факт согласия несовершеннолетнего обвиняемого на участие в процедуре медиации и ее проведение по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях должны рассматриваться как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность и влекущее снижение назначаемого наказания.

Примечания

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 30 мая. № 115.

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.08.2017).

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1014829>.
2. Marilyn D. M., Williams III. F. P. ed. Encyclopedia of juvenile justice. US: Sage publ., cop., 2003. 174 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412950640>.
3. Кobleva M. M. Восстановительное правосудие и медиация в судопроизводстве судьи. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2016 (дата обращения: 28.06.2019).
4. Жестовская Д. А., Тузов А. Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 46–49. DOI: 10.17223/23088451/11/9.
5. Лазарева В. А. Доследственная проверка // Уголовное судопроизводство. 2016. №4. С. 107–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27337559>.
6. Хромова Н. М. Реализация концепции восстановительного правосудия по делам в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2017. № 3. С. 57–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30113795>.
7. Брылева Е. А. От наказания к примирению: наступление на индустрию борьбы с преступностью // Мировой судья. 2018. № 1. С. 13–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32306098>.

8. Кабельков С. Н. Перспективы применения медиации в российском уголовном судопроизводстве с учетом международного опыта // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 190–194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22779604>.

9. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 200 с. URL: <https://b-ok.xyz/book/2900243/434e07>.

10. Юрков В. В. Примирение несовершеннолетнего с потерпевшим в уголовном праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2012. 237 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/primirenie-nesovershennoletnego-s-poterpevshim-v-ugolovnom-prave-rossii-i-germanii>.

11. Ковязин А. В. Проблемы правоприменительной практики примирения в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2017. № 5. С. 28–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29289590>.

12. Малышева О. А. О целесообразности внедрения медиации в досудебное уголовное производство // Российский следователь. 2015. № 17. С. 17–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24148611>.

13. Горский В. В. Медиатор – новый участник уголовного судопроизводства? // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практич. конф., 26–27 апреля 2018 г., г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 22–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35015454>.

References

1. *Kurs ugolovnogo protsesssa. Pod red. prof. L. V. Golovko. 2-e izd., ispr.* [Course of criminal procedure. L. V. Golovko (Ed.). 2nd edition, revised]. M.: Statut, 2017, 1280 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1014829> [in Russian].

2. Marilyn D. M., Williams III. F. P. (ed.) *Encyclopedia of juvenile justice*. US: Sage publ., cop., 2003, 174 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412950640> [in English].

3. Kobleva M. M. *Vosstanovitel'noe pravosudie i mediatsiya v sudoproizvodstvesud'i* [Restorative justice and mediation in judicial proceedings of the judge]. Prepared for the system «Consultant Plus», 2016 (accessed 28.06.2019) [in Russian].

4. Zhestovskaya D. A., Tuzov A. G. *Ot zashchity publichnogo interesa k zashchite interesa poterpevshego* [From protecting public interest to protecting the victim's interest]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2018, no. 11, pp. 46–49. DOI: 10.17223/23088451/11/9 [in Russian].

5. Lazareva V. A. *Dosledstvennaya proverka* [Pre-Investigation Check]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2016, no. 4, pp. 107–115. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27337559> [in Russian].

6. Khromova N. M. *Realizatsiya kontseptsii vosstanovitel'nogo pravosudiya po delam v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Implementation of the concept of restorative justice in juvenile cases]. *Advokat*, 2017, no. 3, pp. 57–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30113795> [in Russian].

7. Bryleva E. A. *Ot nakazaniya k primireniyu: nastuplenie na industriyu bor'by s prestupnost'yu* [From Punishment to Conciliation: Attack at the Crime Combating Industry]. *Mirovoi sud'ya* [Magistrate judge], 2018, no. 1, pp. 13–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32306098> [in Russian].

8. Kabelkov S. N. *Perspektivy primeneniya mediatsii v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve s uchetom mezhdunarodnogo opyta* [Prospects of applying mediation in the Russian criminal proceeding based on international experience]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2014, no. 4 (30), pp. 190–194. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22779604> [in Russian].

9. Arutyunyan A. A. *Mediatsiya v ugolovnom protsessse* [Mediation in criminal proceedings]. M.: Infotroпик Медиа, 2013. 200 pp. Available at: <https://b-ok.xyz/book/2900243/434e07> [in Russian].

10. Yurkov V. V. *Primirenie nesovershennoletnego s poterpevshim v ugolovnom prave Rossii i Germanii: dis. ... kand.yurid.nauk: 12.00.08* [Reconciliation of a minor with a victim in the criminal law of Russia and Germany: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.08]. Krasnoyarsk, 2012, 237 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/primirenie-nesovershennoletnego-s-poterpevshim-v-ugolovnom-prave-rossii-i-germanii> [in Russian].

11. Kovyazin A. V. *Problemy pravoprimeritel'noi praktiki primireniya v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Issues of Law Enforcement Practice of Conciliation in the Russian Criminal Proceedings]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2017, no. 5, pp. 28–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29289590> [in Russian].

12. Malysheva O. A. *O tselesoobraznosti vnedreniya mediatsii v dosudebnoe ugolovnoe proizvodstvo* [On expediency of implementation of mediation in the pre-judicial criminal proceedings]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2015, no. 17, pp. 17–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24148611> [in Russian].

13. Gorsky V. V. *Mediator – novyi uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva?* [Mediator – a new participant in criminal proceedings?]. In: *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf., 26–27 aprelya 2018 g., g. Simferopol'-Alushta. Otv. red. M. A. Mikhailov, T. V. Omel'chenko: Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo* [Criminal proceedings: procedural theory and forensic practice: proceedings of the VI International research and practical conference, April 26–27, 2018, Simferopol'-Alushta. M. A. Mikhailov, T. V. Omelchenko (Eds.): V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol: ИТ «АРИАЛ», 2018, pp. 22–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35015454> [in Russian].